

А. А. Едалина

Характеристика человека по его отношению к собственности в русских народных говорах

Данная статья представляет собой опыт лингвистической реконструкции области народных представлений, связанных с отношением человека к собственности. В русском сознании отношение к наличию или отсутствию собственности у человека, способам ее приобретения, распоряжения ею имеет ярко выраженный оценочный характер, часто являясь основой характеристики личных качеств человека. По признаку наличия/отсутствия собственности люди делятся на бедных и богатых. В зависимости от поведения человека по отношению к собственности и его позиции по отношению к другим людям происходит разделение людей на расточительных и бережливых, на скупых, жадных, корыстолюбивых и щедрых.

В ходе анализа материала обнаружено, что личные качества человека (черты характера) определяют его отношение к собственности и связанные с ней действия. Самым значимым видится противопоставление направленности действий человека: от себя (реализуемое парой *щедрый – расточительный*) и к себе (пара *бережливый – скупой/жадный/корыстолюбивый*).

В качестве иллюстрации и доказательства этого положения приведем ряд мотивационных моделей, лежащих в основе названий скупых, жадных, щедрых и расточительных людей. Основным типом анализа в данном случае явился ономаσιолого-этимологический, который позволил задействовать потенциал устойчивой, системно закрепленной и социально значимой информации, заложенной во внутренней форме языковых единиц. Путем фронтального просмотра «Словаря русских народных говоров» было выявлено большое количество синонимов, обслуживающих данную сферу. Одним из результатов анализа является реконструкция мотивационного признака, легшего в основу исследуемых лексем. Обоснование его выбора получает свое выражение в такой единице анализа, как мотив номинации, за которым стоит этнокультурный контекст восприятия и оценки человека, имеющего особое отношение к собственности. Если мотивационный признак становится основой для создания нескольких однотипных наименований (например, «тот, кто жмет» → *жимило, жмот, зажом* и т. д.), то

мотив является «укрупнением» ряда сходных мотивационных признаков (ср. мотив интенсивного действия, который постулируется в результате обобщения моделей «тот, кто жмет»; «тот, кто мнет»; «тот, кто давит», «тот, кто бьет, дробит, колотит» и т. д.).

На основании принадлежности к единой денотативной сфере все мотивационные модели укладываются в так называемые базовые модели¹. Для анализа оппозиции действий человека (с собственностью) по их направленности наибольший интерес представляют базовые модели «Деятельность/действия» и «Физическое воздействие/действия с предметами».

Все действия *бережливого* человека направлены на сохранение собственного имущества. Наиболее продуктивными в мотивационном плане оказываются глаголы со значениями 'копить', 'хранить', 'припасать'. Данная семантика доминирует в таких моделях, как: 1) «копящий, собирающий что-либо → бережливый» (*гоношун* 'хороший хозяин', 'расчетливый хозяин' [СРНГ, 7, 12]², *гонозкий* и *гонозкой* 'заботливый, старательный, трудолюбивый'; 'расчетливый, экономный', *гоносно́й* 'бережливый (особенно на одежду)' [7, 9], от *гоношить* 'копить, собирать' [Фасмер, 1, 437]); 2) «запасливый → бережливый» (*запасистый* 'бережливый, запасливый' [10, 305], *припасливый* 'запасливый, бережливый' [31, 336]).

Бережливый человек в ряде случаев характеризуется как охраняющий свое имущество (*блюдкий* 'бережливый' [3, 32]), сравниваясь в этом с казначеем (*казнодэй* 'человек, работающий исключительно из-за денег, но не скряга', 'человек оборотливый, трудолюбивый, наживающий и сберегающий' [12, 321]).

Признак «забота о собственном имуществе», как важный компонент понятия бережливости, реализуется производящей основой *прибираться*: *прибо́ристый* 'любящий наводить порядок, аккуратный'; 'хозяйственный, бережливый'; *прибо́рный* 'хозяйственный, бережливый' [31, 120].

Характеристика по типу деятельности является важнейшей чертой образа *скупого* человека. В основном скупой занимается деятельностью, ориентированной в большей степени не на увеличение собственности, а на ее сохранение. Подобная закономерность, видимо, объясняется максимальной

¹ Вслед за М. А. Ереминой, под этим термином понимается «разновидность семантической модели, которая задает определенный угол зрения, при котором соотношение двух областей действительности может означать разные формы смысловой связи» [М. А. Еремина. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. С. 56–57].

² Далее при ссылке на СРНГ в квадратных скобках указывается только номер тома и страницы.

близостью понятий скупости и бережливости (скупость – это чрезмерная бережливость), что определяет направление семантической деривации и обуславливает выбор мотивирующих основ, принадлежащих семантическому полю «Бережливость». Это позволяет именно в таком ключе трактовать номинации *куко́ба* ‘бережливый хозяин, бережливая хозяйка’; ‘скопидом, скопидомка’; *куко́бник* ‘старательный, заботливый работник, труженик’; ‘бережливый хозяин’; ‘скопидом’ [16, 38], считая, что в них семантический переход осуществляется путем развития дополнительных значений, а не восходит непосредственно к семантике корня (**kukoba* – производное с суффиксом *-oba* от адъективного производящего **kukъ*/**kuka* ‘крюк’ [ЭССЯ, 13, 86]).

Сюда относятся еще две модели. Первая из них – «тот, кто занимается накопительством → скупой» – представлена номинациями *ископи́льник* ‘скупой человек, скопидом’ [12, 218], *копе́й* ‘скупой человек, скряга’, *копендя́й* ‘скопидом, скупой человек’ [14, 288], а также лексемой *гоноши́вый* ‘занимающийся прилежно хозяйством, трудолюбивый’; ‘суетливый’; ‘склонный к накопительству, приобретениям, скупой’ [7, 12], производной от глагола *гоношить* ‘тихо, молча или с целью приобретения что-либо делать, а также копить’ [ЭССЯ, 7, 24]; ‘хлопотливо заниматься каким-нибудь хозяйственным делом; копить, собирать что-либо в одно место’ [7, 10]. Вторая модель – «такой, который собирает что-либо → скупой» – реализуется дериватами корня *бер-/бир-*: *сбира́шка* ‘тот, кто собирает и накапливает все, что попало’, *сбо́рник* ‘тот, кто собирает все, что попадает под руку; баракольщик’, *сбери́дём* ‘тот, кто одержим страстью к накоплению и бережлив до скупости; скопидом’ [36, 174, 182, 170]. Последняя номинация обладает этнокультурной маркированностью, так как для традиционного русского сознания образ дома имеет весомую семантическую нагрузку и отношение человека к дому, являющемуся традиционной ценностью, очень показательны. Отклонение же от нормативного заботливого и бережного отношения к дому (как в сторону беспечности, так и в сторону чрезмерной увлеченности) всегда оценивалось отрицательно.

С идеей сохранения собственности связан и мотив единоличного владения и использования скупым человеком всего имущества. Ключевыми здесь становятся действия (не) давать (*неда́ха* ‘скупой человек, отказывающийся в помощи, избегающий трат, издержек, расходов’, *неда́чливый* ‘крайне экономный, скупой’, *непода́тливый* ‘скупой, не подающий милостыни’ [21, 9, 113]), (не) делиться (*неподéлистый* ‘скупой, не любящий давать взаймы, делиться с другими’, *неподéлливый* ‘скупой, не любящий давать взаймы, делиться с другими’ [21, 113]), прятать (*пря́чливый* ‘склонный

прятать что-либо; скупой' [33, 97]). Надо заметить, что все эти действия являются социально обусловленными, так как предполагают второго субъекта и взаимодействие с ним.

Поле «Отношение к собственности» коррелирует с полем «Отношение к труду», «основным дифференциальным признаком которого являются взаимоотношения человека с деятельностью»³. Образ скупца при этом складывается амбивалентно: с одной стороны, наличие имущества подразумевает определенные трудозатраты и может быть результатом усердной работы (*корпéть* 'кропотливо и усердно заниматься каким-либо делом' [СРЯ, 2, 107] – *корпéй* 'скопидом, скряга' [14, 371]), с другой стороны, язык фиксирует и противоположный образ действий скупого человека (*безделюй* 'бездельник'; 'мелочный человек, иногда скряга' [2, 187]). Логика семантического развития здесь, вероятно, следующая: скупой ничего не производит, не занимается активной деятельностью (он сосредоточен на сохранении своего уже имеющегося имущества и не пренебрегает даже мелочами), а значит – является бездельником.

В диалекте для создания образа скупого человека часто используются глаголы с семантикой физического действия. Среди них наиболее мотивационно активными оказываются глаголы, обозначающие деформирующие предмет действия. Ведущим признаком в данном случае становится признак интенсивности. Наиболее продуктивным здесь оказывается глагол *жать*, *жму*: *жамán* 'жадный человек' [9, 69], *жемка́рь* 'скупой человек, скупец' [9, 122], *жмо́тик* 'скупой человек, скряга' [9, 206], *жмых* 'скупой человек, скряга' [9, 208], *жом* 'об очень скупом человеке, скряге' [9, 214], *нажимистый* 'прижимистый, скупой' [19, 271], *прижмо́тный* 'скупой, прижимистый' [31, 208] и др.

Довольно большое количество дериватов дает и глагол *мять*, *мну*: *мя́тила* 'о жадном человеке' [19, 91], *кожсемя́к*, *кожсемя́ка* 'скряга' [14, 51] и др. В двух последних номинациях для создания образа скупого человека очень важен корень *кожс-*. В народном сознании идея воздействия на человека, как правило, насильственного, связана с деформацией прежде всего его внешних, наружных покровов. Многочисленны афористичные выражения, реализующие эту идею, например: *драть в три шкуры*, *сдирать шкуру*, *плести ремни из спины*, *тянуть жилы*. Естественно, что подобная семантика закрепилась и во внутренней форме многих слов (*шкуродер*, *кожсемяк*). К данной

³ Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект. С. 59.

группе можно отнести лексемы *комы́га, комя́га* ‘о скупом или суровом и угрюмом человеке’ [14, 241], которые, по всей видимости, являются родственными глаголу **komati/*komękati*, дающему в русских диалектах *комя́-каты́* ‘сильно сжимать, комкать’, ‘жать, тискать’, ‘бить, колотить’, ‘с силой бросать, ударять о землю’ [ЭССЯ, 10, 172].

Нежелание скупого расставаться со своим имуществом находит отражение в такой номинации (от того же глагола *мять*), как *замíнистый* ‘скуповатый’ (*на деньги, на расплату заминист*) [10, 247], для которой можно восстановить модель «такой, который что-либо “заминает”, не отдает → скупой».

Реализующей идею физического воздействия основой становится также глагол *mozžitь*, возводимый Ж. Ж. Варбот к праслав. **mozdziti* ‘думать’, ‘скреплять клиньями’, ‘бить, давить, дробить’ и под., которые восходят к семантике производящего **mozgъ*, при этом значение ‘бить, давить, дробить’ толкуется как ‘ударить по голове (по мозгам)’ [ЭССЯ, 20, 110]. Дериват от *mozžitь* представлен несколькими фонетическими вариантами: *mozжéра* ‘скряга, скупец’, *можжéра, можжéра* ‘скупец, скряга’ [18, 205, 200].

Направленность действий скупого человека в сочетании с семантикой физического воздействия на предмет ярко проявляется в модели «тянущий, вытягивающий что-либо → скупой», представленной лексемами *потяжнóй* ‘стремящийся к чему-либо, падкий на что-либо’ [30, 328], *жылина* ‘плут, любитель присваивать чужую собственность’, *жыльнóй* ‘скупой’ [9, 174, 177], *жила* прост. ‘скупой, прижимистый человек; скряга’ [СРЯ, 1, 485] и др. Все они образованы от глагола *жилить*, первоначально ‘тянуть, вытягивать, натягивать (жилы)’, затем ‘отжиливать, присваивать себе что неправо’ [Даль, 1, 542]. Для существительного *жила* значение ‘скупой’ могло развиваться на основе ‘неправедный стяжатель’ [Там же] (ср. сочетание значений в слове *стяжатель* – добычливый и бережливый, скопляющий состояние; корыстный, жадный, падкий на стяжание [Даль, 4, 352]).

Народное представление о скупом человеке, как «выколачивающем» откуда-либо, «откалывающем» от чего-либо деньги реализуется в модели «колоть, колотить → быть скупым», куда входят такие номинации, как *колы́га* ‘скряга, сквалыга’, ‘барышник, напрасливый’ [14, 206], *колоты́рник* ‘скряга’ [14, 187], *колты́г, колты́га* ‘скряга, скупец, жмот, сквалыга’ [14, 197].

Идея *жадности* в сознании носителей диалекта также тесно связана с идеей действия, совершенного по направлению «к себе». Как и скупой, жадный человек наиболее активно характеризуется через действия. Важно то, что благосостояние приобретается, как правило, не при помощи собственных усилий, а путем присвоения чего-либо, принадлежащего другому. Особое значение получает идея насильственного давления, оказываемого

на других совершаемым действием (или эмоцией). Самой обобщенной моделью будет «совершающий активное действие по направлению к себе → жадный», которая реализуется через указание на такие действия, как хапать (*захпала* ‘хапуга’ [6, 137], *захапистый* ‘такой, который любит захватывать, присваивать чужое; жадный’ [11, 143], *прихапистый* ‘жадный, падкий до чего-либо; скупой’ [32, 46], *охапистый* ‘жадный’ [25, 22]), хватать что-либо (*захватующий* ‘любящий присваивать чужое’ [11, 145], *похватливый* ‘жадный’ [28, 235]), быстро хватать что-либо, цапать (*зацапистый* ‘стремящийся присвоить, захватить многое’, ‘загребущий’ [11, 168]), «подчищать», забирать что-либо у другого (*подчищало* ‘тот, кто присваивает чужое’ [28, 251]), «обдирать» кого-либо, обирать (*обдѣра*, *обдѣра* ‘обманщик’; ‘тот, кто обирает других’ [22, 20], ср. разг. *ободрать как липку* в значении ‘обобрать кого-либо’), активно добывать что-либо (*добычник* ‘стяжатель, жадный, корыстный человек’ [8, 83]) и др.

Очень продуктивными для номинативной характеристики жадного человека по типу совершаемых действий являются глаголы *грести*, *грабить*, *загребать* и т. п. Их производные представлены во множестве своих словообразовательных и фонетических вариантов: *грабастень* ‘человек, стремящийся обогатиться, нажиться любыми средствами; хапуга’ [7, 103], *грабилла* ‘очень жадный человек’ [7, 105], *заграбузда* ‘тот, кто заграбузживает – забирает, присваивает что-либо’ [10, 26], *загребастый* ‘загребущий; корыстолобивый, жадный, алчный’ [10, 28], *приграбчивый* ‘присваивающий чужое; жадный, завистливый’ [31, 177] и др.

Не менее активными оказываются глаголы с корнем *бер-/бор-/бир-/бр-*: *заберѣха* ‘жадная женщина, любящая захватывать, брать себе больше других’, *забирало* ‘завистливый человек, все забирающий себе’ [9, 253, 255], *обирѣха* ‘тот, кто берет сверх положенного; вымогатель’, *обѣр* ‘о человеке, который обирает кого-либо’ [22, 66, 171], *подберѣха* ‘тот, кто все подбирает, присваивает себе’ [27, 335], *прибирѣха* ‘тот, кто присваивает, прибирает себе чужое’ [31, 113].

Исходя из того, что жадный человек ориентирован на приобретение как можно большего и характеризуется стремлением взять себе что-либо чужое, мы посчитали возможным включить в наш анализ слова со значением ‘присваивающий себе что-либо чужое’. Семантика присвоения сама по себе многокомпонентна. Наряду с основным компонентом ‘совершать действие по направлению к себе’, она включает еще и социальный. Присвоение как процесс самовольного овладения чужой собственностью предполагает наличие второго субъекта, интеракцию, хотя и выраженную имплицитно. Дан-

ная модель представлена двумя разновидностями: 1) «присваивать себе что-либо → быть жадным» (*присво́йчивый* ‘склонный к присвоению чего-либо (чужого)’ [31, 379]) и 2) «делать что-либо предметом своего владения → быть жадным» (*завла́да, завла́данец* ‘тот, кто присваивает себе что-либо чужое’ [9, 321], *привла́дчивый* ‘присваивающий себе, захватывающий чужое, падкий на чужое; захватнический’ [31, 141]).

Такая особенность жадного человека, как чрезмерное желание чем-либо обладать (которая, кстати, закреплена во внутренней форме прилагательного *жадный*, восходящего к *жадать* ‘желать, жаждать’ [Фасмер, 2, 33]), напрямую оказывается сопряжена с характером совершаемых им действий. Жадный человек падок на что-либо (*напа́дкий* [20, 60], *припа́дчивый* [31, 332]), готов броситься на добычу (*бро́ский* [3, 197]).

Языковой образ *корыстолюбивого* человека в диалекте оказывается во многом близок образам скупого и жадного человека. Так же, как и жадный, корыстолюбивый человек стремится к наживе, урывает от других что-либо себе (*рва́чка* ‘о женщине, извлекающей из своей работы, положения как можно больше выгод’, *рва́чливый* ‘то же’ [34, 357, 358]). Доминирующими признаками при этом будут интенсивность и направленность действий «к себе».

Как и скупой, корыстолюбивый человек часто пользуется нечестными способами приобретения собственности: берет взятки (*здо́ймицк* ‘корыстолюбец, мздоимец’ [11, 232], *мздо́ймица* ‘корыстолюбивая женщина’ [18, 152]) и взимает (*зай́мицк* ‘корыстолюбец, вымогатель, мздоимец’ [10, 104]).

В отношении направленности действий *щедрый* человек сопоставляется со скупым (жадным, корыстолюбивым) человеком, являя собой противоположный вариант установки на деятельность. В номинациях, обозначающих вышеприведенные типы людей, реализуется оппозиция *брать – давать*. Если скупой (жадный, корыстолюбивый) человек характеризуется через активное действие по направлению «к себе» – брать, то щедрый, наоборот, через действие по направлению «от себя» – давать. Особенностью семантики этой глагольной пары является социальная составляющая. Оба действия предполагают наличие второго субъекта, в зависимости от ситуации отдающего или принимающего что-либо (имущество/собственность). Эта модель («такой, который дает, отдает что-либо свое другим → щедрый») является самой продуктивной, она представлена наибольшим количеством номинаций: *дава́лец* ‘человек, не отказывающийся, всегда подающий милостыню’, *дава́ха* ‘тот, кто дает, жалует, подает, дарит, наделяет, снабжает чем-

либо' [7, 255, 259], *подáтный* 'добрый, щедрый' [27, 332], *раздава́льщик* 'тот, кто раздает свое добро' [33, 320], *многодáтельный* 'щедрый' [18, 186].

При интенсификации признака «действие по отношению “от себя”» щедрый человек сближается с расточительным. Именно лексика поля «Расточительность» является донорской при квалификации щедрого человека через совершаемые им характерные действия. Щедрый человек представляется как живущий размашисто (*разма́шистый* 'нескупой, щедрый' [34, 16]), не считающий деньги (*несчѐтливый* 'щедрый' [21, 170]).

Расточительность человека также проявляется прежде всего в его действиях. Рассмотрим, какие аспекты деятельности маркируются языком при отрицательной оценке отношения человека к собственности. Все совершаемые расточительным человеком действия характеризуются направленностью «от себя», что является определяющим признаком при его номинации. В данной модели релевантными оказываются признаки «бестолковость» и «неаккуратность». Это отражается в семантике производящих глагольных основ: терять (*растерѐха* 'растеряха', 'бесхозяйственный, неаккуратный, небережливый человек', *растеря́ха* 'о бесхозяйственном, небережливом человеке' [34, 255, 256]), разбрасывать (*разбро́счивый* 'неорганизованный, склонный к беспорядку, неаккуратный' (о человеке), 'много расходующий денег, средств, неэкономный' [33, 271]), сорить (*прасо́рный* 'неэкономный, расточительный' [31, 69], *рассо́риха* 'транжира, мотовка' [34, 219]), развеять по ветру (*развѐй* 'нерадивый хозяин, расточитель, мот', *развѐйка* 'нерадивая, расточительная хозяйка, мотовка' [33, 283]), растаскивать (*растаску́ша* 'человек, слоняющийся без дела, шатун'; 'транжира, мот', *растащѐйха* 'транжира, мот' [34, 248, 249], *растощѐйка* 'транжира, мотовка [34, 271]), раздавать что-либо (*раздава́ха* 'небережливый человек, мот; плохой хозяин, хозяйка' [33, 320]).

Как мы уже отмечали, отношение человека к собственности ярче всего проявляется в отношении к собственному дому. В русской языковой картине мира дом предстает несомненной ценностью и требует особого отношения, как «первое после материнского лона “свое” пространство человека»⁴. Дом является предметом особенной заботы и требует бережного отношения, в соответствии с чем все необходимые для жизни вещи должны храниться в предназначенном для них месте внутри дома. Расточительный человек не соблюдает данные, предписываемые ему обществом правила, чем резко

⁴ Ковшова М. Л. Ни кола ни двора: образ бездомного в русском фольклоре и фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М., 2004. С. 210.

противопоставляет себя остальным людям. Это выражается прежде всего в следующем: расточительный человек не несет что-либо в дом, наоборот, его действия характеризуются прямо противоположно. Большинство лексем представляют собой результат словосложения с первым глагольным компонентом и вторым компонентом *-дам*. Для всей этой обширной группы слов в целом можно реконструировать модель «человек, который не заботится о своем доме → расточительный» (*недомóвник* ‘не заботящийся о благополучии своего дома, хозяйства, домовитый человек’, *недомóвый* ‘недомовитый’ [21, 25, 26]). Внутри этой модели выделяются следующие подгруппы: растаскивающий имущество своего дома (*растащидóмка* ‘гуляка, мотовка, плохая хозяйка’ [34, 249]), разоряющий свой дом (*разоридóмка* ‘расточительная, не умеющая вести хозяйство женщина’ [34, 54]), неразумно тратящий, расточающий имущество своего дома (*расточидóмка* ‘мотовка, транжира’, *расточидомок* ‘человек с плохим достатком’, ‘транжира, мот’, *расточиха* ‘мотовка, транжира’ [34, 270]), разбрасывающий, развевающий по ветру имущество своего дома (*развэй-дом*, *развэйдомник* ‘нерадивый хозяин, расточитель, мот’ [33, 283], *рбзвий-домник* ‘мот’ [35, 159]), ничего не имеющий в своем доме, имеющий «пустой» дом (*пустодóмка* ‘плохой, беспечный хозяин; тот, кто тащит из своего дома’, *пустодомный* ‘не имеющий своего хозяйства; беспечный, бесхозяйственный’ [33, 146]), не имеющий своего дома (*бездóмовница* ‘лентяй, пьяница и мот’ [2, 188]).

Представленный материал позволяет отметить яркий факт языковой асимметрии. Данные о количестве проанализированных единиц следующие: «бережливый» – 25, «расточительный» – 101; «щедрый» – 23, «скупой» – 230, «жадный» – 130, «корыстолюбивый» – 8. Более значимыми вследствие большей определенности и однозначности следует признать образы скупого, жадного и расточительного человека. Наличие одноименных качеств является основанием для его базовых, «диагностических» характеристик по отношению к собственности.

Приведенные примеры дают нам возможность выявить также основные закономерности номинации бережливых, скупых (жадных, корыстолюбивых), щедрых и расточительных людей. Все, что относится к действию «от себя», расценивается как приводящее к бедности, а то, что относится к действию «к себе» – как приводящее к богатству. В соответствии с этим бережливый и скупой (жадный, корыстолюбивый) человек чаще будет богатым, а расточительный и щедрый – бедным. Помимо этого важнейшей особенностью народного осмысления характеристик человека по отношению

к собственности является выход через них на межличностные отношения. Это, как правило, приводит к преобразованию двусторонних отношений в трехсторонние: бинот человек – объект воздействия (имущество/собственность) нередко трансформируется в триаду человек – объект воздействия – другой человек⁵. Получается, что человек не может быть замкнут на что-либо (в том числе и вещное), все его действия по отношению к собственности оборачиваются поступками по отношению к другому человеку. Такая специфика восприятия связана, на наш взгляд, с менталитетом диалектоносителей. Их ценностные представления обусловлены жизненным укладом, традиционным «общежитием», когда взаимопомощь и участие в жизни другого признаются нормой, когда наличие дома и забота о нем являются обязательными, когда имущество должно находиться в сохранности. Естественно, что скупой и жадный, сосредоточенный на собственном благосостоянии человек в эту систему не вписывается и тем самым обособляется и отделяется от других, оцениваясь при этом отрицательно. Расточительный же не попадает в нее в силу своего неприемлемого, с точки зрения народного сознания, поведения.

По итогам предпринятого мотивационного анализа семантических полей «Бережливость», «Скупость», «Жадность», «Корыстолюбие», «Щедрость», «Расточительность» можно говорить об активном их взаимодействии. Это обусловлено, прежде всего, большой степенью подвижности, которой обладают полевые единицы, сходные по базовой семантике. Они имеют склонность перетекать из одного поля в другое, о чем свидетельствует наличие общих мотивационных моделей и рядоположенных значений (*копльивый* ‘бережливый, скупой’ [СРНГ, 14, 291]). Если же обратиться к различиям в мотивационной потенции и продуктивности данных полей, то самыми сильными «донорскими» полями будут «Бережливость» и «Скупость». Для полей же «Щедрость» и «Расточительность» роль реципиента оказывается принципиальной, поскольку их лексика в основном представляет собой проекцию значений, принадлежащих другим семантическим полям, в частности полям «Бережливость», «Жадность». Освоение действительности диалектоносителем идет в данном случае по принципу «от противного», т. е. то или иное качество человека определяется через отрицание его антонимической пары.

⁵ См.: Березович Е. Л. Интерпретационная семантика в парадигме лингвистического исследования // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2003. С. 48.